

«НЕ ГОРЕЛО ЛИ В НАС СЕРДЦЕ НАШЕ»

*Послевоенное православие на Коми земле:
люди и судьбы*

Отец

На старой, вылинявшей фотографии я вижу человека в военной форме, как две капли воды похожего на Леонида Ивановича Ракина. Вот только на груди у солдата четыре Георгиевских креста – полный кавалер. Таких немного было на всю Россию, а на Севере их и вовсе по пальцам можно было бы пересчитать.

Леонид Иванович улыбается.

– Наши с отцом награды похожи, у него военные, а у меня церковные, схожие с отцовскими, только крупнее на вид. Помню, один знакомый решил, что я папин крест нацепил. Недоумевал и даже пристыдить хотел, да я объяснил, что к чему.

Четыре креста было у отца. Один – золотой, выменяли в торгсине на муку, когда совсем голодно стало. Мама моя отказалась вступить в колхоз – считала, что это грех для православных христиан. Поэтому у нас все забрали. Корову, лошадь, ложки, самовар, швейную машинку и даже чернильницу красивую, которую отец из города привез – все унесли. Это было в селе Деревянск Усть-Куломского района. Оттуда мы родом. В то время, в начале 30-х годов, умер мой брат Витя.

В Сыктывкар приехали в 40-м году. Первым поехал отец – разведать. Устроился сторожем на лесозавод. Получил комнату, в ней мы и поселились. А вскоре папу посадили. Приехал к нам в гости прежний председатель сельсовета, и отец угостил его, как положено. А тот позавидовал, что Ракин поехал в город и хорошо живет. Донес на нетрудовые доходы. Обвинили, что за два килограмма мяса налог не уплачен.

Ночью пришли и забрали. Они всегда ночью приходили. Осталась мама Анна Федоровна одна с нами. Девять детей родила моя мама. Ей даже орден дали – материнской славы. Когда отца арестовали, нас из комнатки выгнали. Тогда сестра Глафира устроилась телефонисткой – и мы перебрались в комнату, которую она получила от работы. Она у нас старшая была и самая верующая после мамы. В звании младшего лейтенанта была в Ленинграде во время войны, а потом вернулась домой.

А жило нас в ее комнатке 11 душ и маленькая кошка. Спали на полу в ряд. Когда кто-нибудь выходил из комнаты ночью – а выходили часто – врывались клубы морозного пара. Но мама нас уберегла, только вот Ниночку в садике уронили. 4 года было, красивая как ангел. Перед смертью видела в воздухе кого-то невидимых.

Что с отцом, мы не знали. А он был в страшном лагере в Кожве, где умирало по 500 человек в день от голода и болезней. Спас папу священник отец Виктор Грекулов. Он тоже был заключенным, но работал врачом. Это, наверное, была его мирская профессия. Отец ему полюбился – кроткий был человек, хоть и герой войны. Батюшка ему то кусок хлеба передаст, то картофелину или остатки каши. Тем и спас.

Выпустили отца еще во время войны. Он в лагере дал обет пойти в Ульяновский монастырь свечку поставить, если жив останется. Но и монастырь был закрыт, и свечек не было, и отец тяжело болен. Умер он в 1946 году, так и не добравшись до обители. Но одна

из сестер несколько лет назад, когда монастырь открылся, поехала туда и поставила вместо отца свечку.

Кочпонские

Еще до войны все храмы в Сыктывкаре были закрыты, Стефановский собор в центре города разрушен. Там, где располагался алтарь, вплоть до недавних пор росло три мощных тополя. Старые устьсысольцы говорили, что женскому полу здесь ступать нельзя. Алтарь все-таки.

В конце войны православные добились своего – получили разрешение открыть храм в местечке Кочпоне – близ городской окраины. О первых его батюшках Леонид Иванович рассказал, что помнит:

Отец Мелетий

– 44-м году я поранил ногу. Случайно, мы босые ходили все время. Заболела нога, мне ее отняли, потом глаз стал болеть, лишился я его. Был больной мальчик. Заходил ко мне отец Дамаскин. И отец Мелетий бывал, чтобы причастить. Я тогда только на костылях мог передвигаться.

Когда в 45-м году разрешили в Кочпоне церковь открыть, стали думать, кого позвать в настоятели. А отец Мелетий не то сторожем, не то конюхом у нас работал после лагеря. Высокой духовной жизни был человек. Он и согласился, старики его уговорили. Моя сестра Глафира Ивановна, в замужестве Попова, одна из первых у него венчалась.

Когда он приходил к нам домой, то всякий раз беседовал со мной. Меня тогда бесы сильно пугали ночью. Да и сейчас, бывает, являются во сне великаны некие, перекрестишь – исчезают через щель, через окно. А в 47-м или 48-м году, помню, схватил один со словами: «Ты еще мой». Я плакал, что так грешен и беззащитен перед злыми духами. А батюшка Мелетий меня успокаивал, рассказывал, что тоже через это прошел:

– Тебе во сне, а мне, когда я маленький был, наяву являлись. Сидел раз на втором этаже, а внизу нечистые говорили: «Сбросьте кто-нибудь этого мальчика сверху».

О себе батюшка не очень любил говорить. Иоанн Холопов как-то рассказывал, как они хотели перебраться из Вильгорта в Кочпон. А лодки не было. Холопов волновался – как быть. Тогда о.Мелетий его стал успокаивать: «Господь нам поможет». И лодка действительно приплыла сама, встала возле Вильгорта. Со святыми людьми так бывает. Даже на камнях они могли плавать.

Отец Мелетий был 1875 года рождения. Умер в 50-м году. После его смерти меня стал навещать второй наш священник о.Михаил Вишерский. Тоже приходил причащать. Один раз все решили, что я при смерти – он прибежал меня напутствовать, но я уже начал

оживать и помню, как сильно он обрадовался. Его матушка Евдокия была с нашей деревни, как родная нам. А отец Михаил, прежде чем вернуться к служению, перебивался тем, что работал часовым мастером. У него дома было много часов. И все они тикали.

* * *

– Леонид Иванович, а про отца Иоанна Холопова вы что-нибудь можете вспомнить?

– Ему предсказал служение в храме еще блаженный Александр Тентюковский. Говорил ему: «А ты будешь махать».

И показывал, как кадиллом машут. Еще предсказывал, что когда храм откроют, то крестиков на всех детей не хватит. И действительно – не хватало.

Отец Иоанн привозил иногда блаженного Александра к себе домой подлечиться. Специально запрягал лошадь, вез к себе. А когда Александр был здоров, то и сам приходил. Часто ночевал у Ивана на кухне.

Батюшка Иоанн и сам немножко блаженный был. Рыбачить любил. Под Кочпоном тогда много рыбы водилось. Ведрами приносили в храм. Холопов и до войны был рыбаком, невод ставил – этим жил.

А сейчас рыбы возле Кочпона больше нет. Видать, по грехам нашим. Жизнь тогда была тихой, мирной. По Парижу (район Сыктывкара – *ред.*) можно было всю ночь напролет гулять. А сейчас не выйти – ограбят, убьют.

У Ефрема Сирина пишется, что наступит время, когда в городе будет столько зверей, что не пройти. Я, когда раньше это читал, думал – откуда в городе зверям взяться? А теперь понял. Люди как звери стали. У меня брата Николая сосед убил. Ночью пришел и железным крюком по голове ударил. Взял ружье, продукты. Немцы не смогли этого сделать, неприступные крепости Николай брал в войну. А ночью железом и ребенок убить может.

* * *

– Леонид Иванович, мужчин в Церкви было прежде наперечет, рано или поздно почти все рукополагались. Почему вы остались мирянином?

**В центре – владыка Никон,
слева – игумен Серафим**

– В 69 году владыка Никон хотел посвятить меня в диаконы. Но люди стали говорить: хромой, без глаза. Отец Иоанн Холопов тоже неодобрительно отнесся. Он боялся, что Сажина Петра – тоже нашего священника – выгонят как малограмотного, если меня рукоположат. И я отказался. Владыка очень огорчился. Я потом извинения просил за непослушание, и он написал мне ответ, что худо я поступил. Телеграмму прислал:

«Бог вам судья, но вы сами сделали для себя хуже, послушав недобрых людей. Епископ Никон».

– Вы как-то сказали, что участвовали в Поместном Соборе?

– Да, в 88-м году. Выбрали как мирянина от епархии – Архангельской, Мурманской областей и Коми. Вызывали в Архангельск, там собрание было, человек восемьдесят сидело – священники, старосты, псаломщики, регенты. От священников поехал отец Георгий Казак, тоже у нас в Кочпоне служил, ну и епископ, конечно.

– Как проходил Собор?

– Жили в гостинице «Украина», ходили в храмы. Людей было очень много – из Японии были делегации, Аргентины, со всего мира. Поэтому в зале каждому были положены наушники, чтобы переводы слышать с разных языков. Уполномоченный от Совета Министров дал обед в Георгиевском зале Кремля. Еще в Загорск ездили, ночевали там человек по двадцать-тридцать в комнате. Книжек, сувениров, папок каких-то надарили, еле дотащил. Библию подарили. Но у меня уже была Библия. Мне владыка Афанасий (Сахаров) вместе с молитвословом подарил в 56-м году.

– Какие вопросы обсуждались на Соборе?

– Я уже сейчас не помню. По старостам вот решение приняли – на три года их избирать. Но ничего не изменилось, по 10 лет сидят, потому что нужда в этой мере отпала. При Хрущеве старосты стали хозяевами в церкви. Поэтому, если попадался плохой человек, то и священники, и епископы от него стонали. А теперь, когда священники снова стали хозяевами, они дурного старосту и трех лет терпеть не будут, а хорошего незачем менять.

– Вы были 30 лет старостой, власти как-то пытались вас перетянуть на свою сторону? К старостам ведь особое отношение было.

– Один раз хотели агентом взять, сразу, как я в церкви стал работать. С милицией приходили: «Снимем, – говорят, – со старост». – «Снимайте, – отвечаю, – предателем не хочу быть».

И стал молчать. Они разозлились, шуметь начали, потом спрашивают: «Может, тебе клещами язык вытащить?»

Я очень рассердился. Меня, инвалида второй группы, клещами хотят. В общем, сняли меня со старост. А через два года «двадцатка» снова выбрала. Потом уполномоченные подходили, спрашивали, что да как в храме. Я им отвечал, что все хорошо, батюшки между собой мирно живут. Они не верили, сердились, но как уполномоченного Ефима Ефимовича Рочева сняли, а я его немного застал, то власти к нам, в Кочпон, уже особо не лезли. Поняли, что дров наломать легко, а потом попробуй эту кашу расхлебай.

* * *

Тамара Константиновна Кузнецова – регент кафедрального собора в Сыктывкаре – вспоминает, как охотился Рочев за девочками, ходившими в храм. Пытался таким образом «отсечь молодежь от культа». Дети вскоре придумали, как им спастись от уполномоченного. Увидев его, забирались по ветхой лесенке на

второй этаж храмовой сторожки. Рочев, будучи мужчиной тучным, – топтался вниз, а подняться боялся. Только ругался бессильно, задрал голову к небу.

Игумен Серафим (Полоз)

Игумен Серафим стал настоятелем Кочпонского храма в 64-м году. Тамара Константиновна Кузнецова вспоминает, что батюшка запечатлелся в памяти у коммюнистов своим горячим почитанием Божией Матери. Не мог без слез читать ей акафисты, говорить проповеди в богородичные праздники.

– Может быть, тоска по родительнице так привязала его к Царице Небесной, – задумывается Тамара Константиновна, – он все говорил нам: «Жалейте своих матерей, берегите своих матерей, плохо, когда нет мамы». Мне было немного смешно, что батюшке уже за шестьдесят, старый человек, а все говорит о матери.

* * *

– Отец Серафим был очень привязан к моей маме Анне Федоровне, – продолжает эти воспоминания Леонид Иванович Ракин, – любил ее и уважал.

Она принимала всех странников, всех, кому голову приклонить негде было. Среди них был и батюшка, когда он к нам приехал служить. Еще навещала нас Харитина Мацарска, украинка, страдальца за веру. Отсидела 10 лет Харитина. Каждый церковный праздник ее били в тюрьме, потому что она на работу отказывалась выходить. Сначала она нищенствовала в Сыктывкаре, потом обжилась немного. Пела в хоре – у нее голос очень красивый был.

Васильга заходила, Ольга Васильевна – келейница епископа Афанасия Сахарова. Она после смерти владыки переехала в Сыктывкар, жила в келье на Лесозаводе, тоже в баньке. Дарья Марковна – благочестивая женщина – ее к себе пустила.

Инокания Мария Матвеевна захаживала. Псалтырь, помню, читала по отцу, когда он скончался. Анна бесноватая бывала, ей бесы наяву веревку протягивали, чтобы повесилась. Она все надеялась, что иеромонах Дамаскин ее исцелит. Уж очень ее крутило рядом с ним – святой, видать, человек. Много он о ней молился, но до конца не отчитал. Такой, значит, крест.

А тетя наша постоянно с нами жила. Она была прежде послушницей в архангельском Соломбальском монастыре. Когда мы в начале 60-х в Кочпон переехали, у нас иной раз до 16 человек в комнате спало. Нас шестеро, остальные – гости. Из города им в Кочпон далеко было к литургии идти, поэтому с субботы на воскресенье к нам шли.

* * *

Ко времени приезда о.Серафима Леонид Иванович был уже старостой в Кочпоне. Рассказывает:

– Приехал он с Украины. Когда его к нам назначили, власти долго не хотели батюшку регистрировать. А от Кочпона до администрации путь неблизкий. Как-то раз мы так с ним находились за день, что я не вытерпел: «Дайте, – говорю, – посижу, протез сниму. Как в раю буду». А отец Серафим смеется, говорит:

– Ну-ка, быстроними протез, чтобы рай тебе был.

Наконец, разрешили ему у нас служить. И очень он всем полюбился. Акафист читает – вся церковь плачет.

Брата моего Володю все обнимал, говорил ему: «Мученик ты, мученик». Потом только мы поняли, что батюшка предсказал, что его убьют. Молодым убили, зарезали, пятеро детей осталось.

* * *

– Что с ним было до приезда к нам, я плохо знаю, – продолжает Леонид Иванович, – знаю, в лагере сидел. Заканчивал семинарию вместе с Патриархом Пименом, они одногодки – 1911 года рождения. Еще одного их однокурсника я встретил в Рыбинске. Молился там в храме, а священник увидел меня и дал 5 рублей старыми, чтобы я пообедал. А потом еще 45, сказав, что, мол, вот тебе деньги, молись за меня – иерея Вениамина.

Спустя несколько лет я увидел его на фотографии вместе с игуменом Серафимом и Патриархом Пименом. Батюшка сказал, что отец Вениамин стал уже епископом.

– Тамара Константиновна рассказывала, что отца Серафима очень донимали санинспекторы. Как-то раз увидели, что ему прихожане руку целуют, подступились: «Хотим взять пробу». А батюшка ответил: «Руку не дам». Пришлось им ограничиться тем, что с икон взяли мазки.

– Да, медработники нас часто донимали. При Холопове даже храм как-то закрыли на карантин.

– И как дальше сложилась судьба отца Серафима?

– На Севере ему нельзя была оставаться по здоровью. Он попытался устроиться в Сухуми, хотел там послужить. Но недолго на Кавказе пожил. Абхазцы попытались отнять дом, набеги устраивали, грабили. Пришлось бежать. Переехал он в Чернигов, там и оставался до конца своих дней. Умер в 87-м году.

Письма игумена Серафима

В течение нескольких лет отец Серафим возглавлял православную общину Коми – этой обширной и драгоценной части Русского Севера. Поэтому любые сведения о нем представляют особую ценность. Сегодня мы публикуем несколько писем из обширной корреспонденции, которая связывала игумена Серафима с Леонидом Ивановичем и его семьей. Они проливают некоторый свет на судьбу батюшки, повествуют о его знакомстве с Анной Федоровной Ракиной, последних годах жизни, тоске по России. Вот эти послания:

* * *

Христос Воскресе! Дорогие мои Леонид Иванович, Наденька, Марийка, Костя, Анна Федоровна. Всех вас сердечно поздравляю со светлым Христовым Воскресением. Желаю неразлучного во веки единения с Господом. Ах, как вы уже меня забыли, не написали даже про смерть диакона Стефана, ведь я же его все время исповедовал и обязан частичку вынимать, а вы, прошу, пишите мне в Чернигов. Пишу с прихода, куда приезжаю на службу.

Ваш недостойнейший из недостойнейших игумен Серафим.

* * *

Мир Вам, дорогие мои Леонид Иванович и Надежда с Марийкой и Костей.

11 марта 1978 г. суббота сыропустной недели останется в моей памяти, сказал бы, надолго, да немного мне уже осталось. С самого утра я почему-то был занят мыслью о первом моем появлении в Кочпоне в 1964 году в январе месяце или в феврале, точно не помню.

Помню только, когда был я поведен кем-то к дому о.Иоанна Холопова, который уже ушел на суд Божий, то у него была закрыта калитка, и меня направили в квартиру, где и сердца, и калитка оказались для меня открыты. Там встретила меня женщина с радостной улыбкой, с распростертыми руками и словами любви: «Батюшка-батюшка, проходите – пуксы, пуксы» (садись, садись – *ред.*). Обратясь к образам, она стала радостно благодарить Бога, за то, что послал ей странника, тут же сразу раздевши меня, поставила

самовар и стала потчевать, как Авраам трех путников. Чего только она не принесла на стол, усадивши, подкладывая да приговаривая: сѣй, ю, сѣй, ю (ешь, пей – *ред.*). После трапезы приготовила диван для отдыха, разула, принесла таз с водой и давай ноги оmyвать. Вот поистине страннолюбивая душа, чистое сердце, как и подобает христианке, и теперь она уже ушла из сѣй юдоли плача в чистую нескончаемую радость.

Весь день 11 марта я все думал о ней, и мысли эти были неотступны. Другие всплывали в памяти достойные поступки, чисто христианские, преисполненные любви, милосердия к ближнему – наконец, погрузившись вечером в свою трудную, каменносердечную паству, начал богослужение. А когда 12 марта стал вынимать частицу за болящую Анну, вдруг снова что-то всколыхнулось в душе. И лишь когда вечером этого прощенного воскресения я вернулся в дом и увидел телеграмму, все мне стало понятно. Что Анна Федоровна, ваша мама, Леня, моя благодетельница, ушла в вечность. Скажу словами Луки и Клеопы, «не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге». Так же и мое сердце горело, памятуя о ее многих трудах и любви, ее добрых делах, как будто говоря: «Блаженна, потому что Ее Господь избрал и принял». Блаженны вы, дочери таковой матери, Лидия и Глафира, блаженны и вы, сыновья ее – Николай и Леонид. Будьте же вы, дочери и сыновья, достойны столь добродетельной матери. Последуйте ее добродетелям – будьте и вы такими же сердобольными, страннолюбивыми, милосердными, как ваша мать. А вы, внуки Марийка и Костя, любимцы бабушкины, – вы тоже от этого корня, и имейте в сердце образ благочестивой своей бабушки.

**Анна Федоровна
Ракина**

Если вы спросите, что ты удивительного рассказал, что невиданного в том, как она принимала тебя, то я вам напомню вот о чем. Видели ли вы когда-нибудь печку ее пустой? Например, я, заходя к ней, никогда не уходил голодным, как и другие странники. Она рада была всякому, с улыбкой жила этими добродетелями как самым спасительным средством, к спасению приводящим.

Пусть же ее светлый образ светит ярко в сердцах ваших, чтобы вы, вспоминая ее, и сами зажигали свои сердца любовью. Все мы, знавшие ее, верим, что она ушла с ярко горящим светильником, полным добрых дел, любви к Богу и ближнему. Она за свои добрые дела будет стоять пред престолом Божиим за весь ваш род – умоляя там Господа за своих чад и внуков. Простите меня, что я пишу сие, а от тучи сердечной оmyваем многими слезами, скорблю, что мы лишаемся драгоценных праведников, остаемся на земле одни, развеваемые ветром.

Многогрешный игумен Серафим.

* * *

Христос Воскресе.

Дорогие мои Леонид Иванович и Надежда, Марийка, Костя. Сердечно поздравляю вас со светлым праздником Св. Пасхи.

Вас, Леонид Иванович, еще поздравляю и со днем ангела, который выпадает на Великую субботу.

Передайте мое поздравление и вашим братьям и сестрам по плоти, которые являются чадами великой Православной Церкви. Памятую я и о ушедшей в вечную жизнь вашей Анне Федоровне – этом светильнике, зажженном пред престолом Божиим. Когда будете на могилке у родительницы вашей, а моей сердобольной молитвенницы, то поклонитесь от меня, поприветствуйте ее, она услышит и улыбнется, и прольет молитву обо мне, дабы облегчил Господь и мои страдания земные.

Храни вас, Господи. Ваш игумен Серафим.

25. 04. 78 г.

* * *

Мир и милость Божия с Вами да будет, уважаемые Леонид Иванович и Надежда с вашими детьми Марийкой, Костиком. Благодарю Вас за память и присланное письмо, которое напомнило мне о многом.

Леонид Иванович, Вы спрашиваете меня про мое здоровье. Оно очень слабое. Можно сказать, никуда не годное. Переболевши инфарктом, я очень подался, полгода я уже не принимаю никаких лекарств, кроме как при болях сердца. Сильная одышка, хожу с палкой иногда. Бывает, пройду 50 шагов, останавливаюсь, опираясь на палку, дышу да дышу. Ходить пешком – далеко никуда не хожу, давление у меня нормальное, диабет тоже ничего, но вот сердце... Я думаю, что если бы я не уехал из Севера, то со мной было то же, что и с Раисой Ивановной, а здесь хотя бы давление пришло в норму, даже врачи удивляются.

В отношении службы опишу Вам, что служу в г.Щорс. Это райцентр, где церковь стоит на окраине, как и у вас в Сыктывкаре. Уже 4-й год живу в Чернигове и езжу в храм только служить на своей машине «Жигули». Живет у меня на квартире шофер, который работает на производстве и меня возит. Встаем в 5 часов и едем. В 7 час. 30 мин. начинаю службу, бывает иногда трудно, а так ничего, справляюсь. Выхожу из храма, сажусь в машину, и домой приезжаем когда в 2 часа, когда в 3. Варим, жарим, парим, кушаем, отдыхаем – вот такая моя и служба.

Держу хозяйство – кур, поросенка. Сад у меня большой, яблок, смородины, клубники, груш, всего хватает, а в доме все удобства. Газовое отопление, ванна, туалет, все блага, а я все вздыхаю да плачу, и умирать с хохлами не хочу.

Хочу еще поехать в Россию к русским людям, где бы меня поняли правильно, оценили, и там умереть, чтобы молились обо мне. А то здесь с этими грубиянами как помрешь, то никто и не вспомнит и молиться не будет. Все как будто хорошо, но очень тяжело. Все богатые, сами для себя живут. День и ночь все думаю, в каких местах служил, и Куйбышеве, и Сыктывкаре, и проч., вспоминаю, как люди пением помогали и во всех отношениях, а теперь вот как получилось на старости лет. Помнится, бывало, на службе рад бы послужить один, да всегда диакон рядом. А теперь рад бы с диаконом послужить, а никого рядом нет. Благодарю за приглашения Вас посетить, но нет, наверно, уже нам больше не придется видеться. Спаси Вас, Господи, за все, все. Простите меня, многогрешного, за все, все.

Ваш Игумен Серафим.

*Подготовил В.ГРИГОРЯН
Снимки из архива Л.И.Ракина.*

Из газеты вера.